

УДК 34

**ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (Ч.4 СТ.210 УК РФ):
ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ**

Федоренко Г. Ю.

Научный руководитель: Питецкий Вадим Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического института СФУ.

Юридический институт СФУ

Согласно изменениям, введенным Федеральным законом от 16 октября 2009 г. N 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в ч. 4 ст. 210 УК РФ законодатель установил уголовную ответственность для специального субъекта. В качестве такового названо лицо, «занимающее высшее положение в преступной иерархии». Полагаем, что введение данной нормы связано с попыткой законодателя разрешить давно назревшую проблему борьбы с лидерами преступного мира. Однако, как показало исследование, выбранный для этого путь следует признать не очень удачным.

Стоит отметить, что в теории уголовного права мнения относительно целесообразности введения данного положения разделились. Одни авторы указывают на трудности в доказывании криминального статуса лица, которые могут возникнуть при квалификации деяния по ч. 4 ст. 210 УК РФ¹. Другие, напротив, отметили прогрессивность такого нововведения².

Включенный в ст. 210 УК РФ квалифицирующий признак совершения преступления лицом, «занимающим высшее положение в преступной иерархии» имеет во многом оценочный характер, т. к. содержит такие термины - «высшее положение», «преступная иерархия», что порождает сложности толкования и применения данной нормы на практике. В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. N 12 в «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» говорится: «решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его *авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации)* (выделено мной, Г.Ю)». Однако далее указывается, что «о лидерстве такого лица в *преступной иерархии* (выделено мной, Г.Ю) может свидетельствовать в том числе наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями а также наличие коррупционных связей и т.п.». Из данного разъяснения остается неясным, как соотносятся понятия авторитет и лидерство в преступном сообществе и лидерство в преступной иерархии.

Существуют два подхода в толковании данного признака.

¹Агапов П.В. Совершенствование уголовно-правового регулирования в сфере противодействия организованной преступности (законотворческий аспект) // Уголовное право № 1. 2001.С. 98.

² Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарии и проблемы применения// Уголовное право. 2010. №2. С. 13.

В соответствии с первым подходом в качестве лиц, «занимающих высшее положение» рассматривают так называемых «воров в законе». «Вор в законе» - «авторитет» из уголовной среды, коллегиально признанный другими лидерами преступного мира и прошедший процедуру «коронования»¹. «Коронование» - формализованная процедура принятия уголовного в сообщество «воров в законе», наделяющая его воровскими полномочиями². Анисимков В.М. выделяет следующие отличительные особенности поведения «воров в законе»: жить вне интересов общества, не иметь в отношении него никаких обязательств, не поддерживать социальные связи, не участвовать в деятельности общественных институтов, не заботиться об их благе и укреплении; отказ служить политической власти при любом политическом режиме; все делать чужими руками; жестокость и расправа с отступниками; взаимная честность и поддержка среди членов криминального сообщества, которые все равны между собой; независимое положение на людях³. Исходя из этой позиции лица, обладающие указанными признаками, должны иметь определенное влияние в преступном мире за рамками конкретного преступного сообщества. В таком случае, какими же критериями должен будет руководствоваться суд при отнесении того или иного субъекта к лицам, занимающим «высшее положение в преступной иерархии»? Разработанными самими преступниками? Других на данный момент не имеется. Кроме того, говоря о «высшем положении лица», мы фактически устанавливаем повышенную уголовную ответственность за определенный «социальный статус», а не деяние, что не соответствует принципам уголовного права. Согласно действующей редакции ч. 4 ст. 210 УК РФ, необходимо установить: первое, лицо создало преступное сообщество или руководило им, второе, лицо занимает определенное положение в преступном мире. Но при этом, надо помнить, что «коронация вора в законе» – это не защита докторской диссертации и она не фиксируется в каких-либо официальных документах⁴. Поэтому возникают проблемы с установлением этих фактических обстоятельств.

Как указывают Челнокова Т.А. и Тарбагаев А.Н., в УК РСФСР существовала статья 24.1, которая называлась «особо опасный рецидивист». Позднее эта же статья была названа не демократичной (поскольку ставила определенное клеймо на человека) и исключена из УК, вместо этого был введен термин «особо опасный рецидив»⁵. Голик Ю.В., не соглашаясь с таким подходом, пишет: «Поразительно, но все враз «забыли», что рецидив – это то, что сделано, а рецидивист – это то, кто сделал. Иными словами, это совершенно разные вещи, которые не мешают, а дополняют друг друга, и существовать в Уголовном Кодексе они должны вместе. Наверное, сегодня не следует возвращаться к старому и реанимировать отслужившее свое понятие. Можно просто назвать лицо особо опасным преступником и закрепить в законе перечень условий, при которых суд может признать преступника особо опасным. И уже этот термин использовать в статье 210 УК РФ, переходить же на

¹ По данным П.В. Агапова, в настоящее время насчитывает около 184 «воров в законе», по неофициальным данным, их число в несколько раз выше (Агапов П.В. Воры в законе: короли криминального мира. – Режим доступа: <http://www.argumenti.ru>).

² Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. С-П., 2003. С. 197.

³ Там же.

⁴ Агапов П.В. Совершенствование уголовно-правового регулирования в сфере противодействия организованной преступности (законотворческий аспект). // Уголовное право № 1. 2001. С. 123.

⁵ Челнокова Т. А. Тарбагаев А.Н. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением части 4 в статью 210 УК РФ // Проблемы современной юридической науки и практики: сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. Т.2./под ред. В.М.Шафировой, Э.А.Павельевой, Т.Ю.Сидоровой - Красноярск, 2011. С. 253.

воровские понятия глупо и оскорбительно для всего нашего народа»¹. С этим нужно согласиться. Полагаем, что попытка введения в уголовное законодательство таких неопределенных понятий, вряд ли может увенчаться успехом, поскольку не только допускает многозначное толкование, но и представляется малодоказуемой. А так называемые «воры в законе» являются уникальным криминальным феноменом, который не имеет аналогов в мире.

В соответствии со вторым подходом, под «преступной иерархией» следует понимать внутреннюю структуру конкретного преступного сообщества (преступной организации), соответственно в качестве лица занимающего в ней высшее положение, необходимо рассматривать «лидера» данного преступного сообщества. Другими словами – это высшее звено в структуре, которое руководит всей деятельностью преступного сообщества (преступной организации). О правильности подобного подхода говорит использование законодателем термина «преступная иерархия», трансформированного из признака иерархичности структуры преступного сообщества (преступной организации), традиционно выделяемого в научных исследованиях»². Согласно толковому словарю И.С. Ожегова иерархия – «порядок подчинения низших (чинов, должностей) высшим; вообще расположение от низшего к высшему или от высшего к низшему»³. Однако, в таком случае резонно будет поставить вопрос, а разве законодатель не предусмотрел ответственность за эти деяния в ч. 1 ст. 210 УК РФ? Где указывается *создание* либо *руководство* таким преступным сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также *координация* преступных действий, *создание устойчивых связей* между различными самостоятельно действующими организованными группами и т.д. Поэтому следует согласиться с Тарбагаевым А.Н. и Челноковой Т.А. в том, что ч. 4 ст. 210 УК РФ фактически дублирует ч. 1 этой же статьи⁴. Таким образом, лицо несет дополнительную ответственность за одно и то же деяние, что в соответствии с принципами уголовного права недопустимо.

В качестве примера можно привести казанскую преступную группировку Галиакберова. На первоначальном этапе она представляла собой организованную группу («бригада Раджи»), которая со временем сформировалась в преступное сообщество. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан, в приговоре отметила, что все члены созданного и руководимого Галиакберовым преступного сообщества признавали последнего безоговорочным лидером, возглавлявшим иерархическую лестницу. Это стало возможным в силу его личных качеств: высокого интеллектуального уровня, предыдущего преступного опыта, организаторских способностей и патологической жестокости т.д. Однако суд не признал Галиакберова лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, его действия были квалифицированы, по ч. 1 ст. 210 УК РФ – как создание и руководство преступным сообществом⁵.

¹ Голик Ю.В. Вор в законе, а закон в понятии. // Газета «Независимая». 2009. Режим доступа: <http://www.ng.ru>.

² Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. №2. С. 14.

³ Ожегов И.С., Толковый словарь русского языка: М., 1975. С. 220.

⁴ Челнокова Т. А., Тарбагаев А.Н. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением части 4 в статью 210 УК РФ // Проблемы современной юридической науки и практики: сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. Т.2./под ред. В.М.Шафировой, Э.А.Павельевой, Т.Ю.Сидоровой - Красноярск, 2011. С. 253.

⁵ Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z603_page_6.

Обозначенные трудности в определении криминального статуса лица в целом приводят к мысли о том, а не станет ли ч. 4 ст. 210 УК не реализуемой на практике нормой. Неоднозначность положений закона может привести и к более негативным последствиям, связанными с нарушением принципов уголовного права, когда лицо несет дополнительную ответственность не за конкретные деяния, а за «определенный статус».

Таким образом, можно сказать, что с одной стороны, деятельность государства по борьбе с организованной преступностью приобретает более упорядоченный характер. Однако использование в уголовном законе неопределенных и не уголовно-правовых понятий создают трудности, в применении ч. 4 ст. 210 УК РФ. Данная норма является, не доработанной, фактически устанавливая повышенную ответственность лидеров преступного сообщества «занимающих высшее положение в преступной иерархии». Поэтому, по нашему мнению, данный признак следует исключить из уголовного законодательства, а привлекать к ответственности указанных лиц по ч. 1 ст. 210 УК РФ с учетом конкретной функциональной роли.

Библиографический список:

1. Агапов П.В. Совершенствование уголовно-правового регулирования в сфере противодействия организованной преступности (законотворческий аспект) // Уголовное право. № 1. 2001.
2. Агапов П.В. Воры в законе: короли криминального мира. <http://www.argumenti.ru>.
3. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы, С-П., 2003. С. 197.
4. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарии и проблемы применения // Уголовное право. № 2, 2010.
5. Голик Ю.В. Вор в законе, а закон в понятии // Газета «Независимая». 2009. <http://www.ng.ru>.
6. Ожегов И.С. толковый словарь русского языка, М., 1975.
7. Челнокова Т.А., Тарбагаев А.Н. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением части 4 в статью 210 УК РФ // Проблемы современной юридической науки и практики: сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. Т.2./под ред. В.М.Шафирова, Э.А.Павельевой, Т.Ю.Сидоровой - Красноярск, 2011.
8. Электронный ресурс:// <http://www.pravo.vuzlib>.